

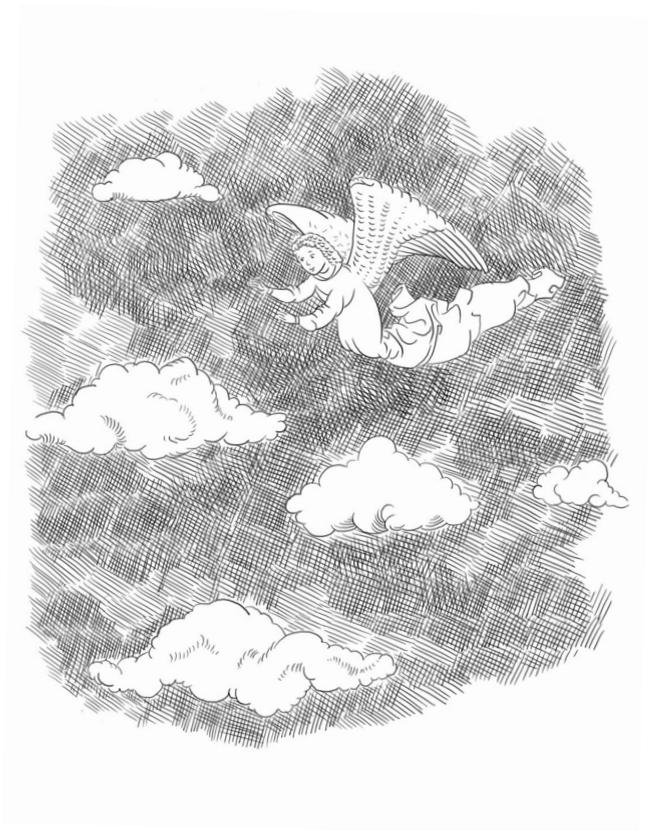
Дело мое проще и ближе:
дело мое есть то, о котором
прежде всего должен подумать
всяк человек, не только один я.
Дело мое — душа и прочное дело
жизни.

Н. В. Гоголь.
«Выбранные места
из переписки с друзьями»

Ирина ИВАНЧЕНКО

Прощёное воскресенье

Книга стихотворений



Киев
Журнал «Радуга»
2014

*Автор благодарен за помощь
в подготовке и редактировании рукописи книги
поэту, литературоведу, создателю сайта stihi.pro
Светлане Ивановне Скорик (Запорожье)*

В новую книгу Ирины Иванченко вошли стихотворения, написанные в 2011–2014 гг., а также избранная лирика из книг «Бес сомнений», «Соблазны Город постирать». Некоторые стихи известны читателю по публикациям в журналах и литературных альманахах, но большинство публикуется впервые. Как и предыдущие книги поэта, «Прощёное воскресенье» — книга о любви. Во всех ее проявлениях.

© Иванченко И.А., 2014
© Журнал «Радуга», 2014
© Здор О.Г., иллюстрации, 2014

ISBN 978-966-281-018-9

ХРОНИКИ МАСЛЕНИЦЫ

*Как с глухим, недовольным ропотом
на кулички бежал мороз,
так молва покатила покатом —
будто вправду весна, всерьёз.*

*И мальцы собрались на площади,
там, где делает крюк река,
и намяли сугробам тощие,
залежалые их бока.*

*А потом, на неделе Масляной,
веселился и стар, и млад.
И погода стояла ясная,
будто сторож у входа в сад.*

*Точно стали к такому случаю
добродушнее небеса...
И горело смешное чучело,
и сгорело за полчаса.*

*А потом заявился незванным дождь,
разогнал людей по домам.
И пошёл галдёж, и пошёл кутёж,
и такой пошёл тарарам.*

*Разошлась не на шутку Масленица,
и ничем её не унять.
И от зависти спала зима с лица,
устарела, как буква «ять».*

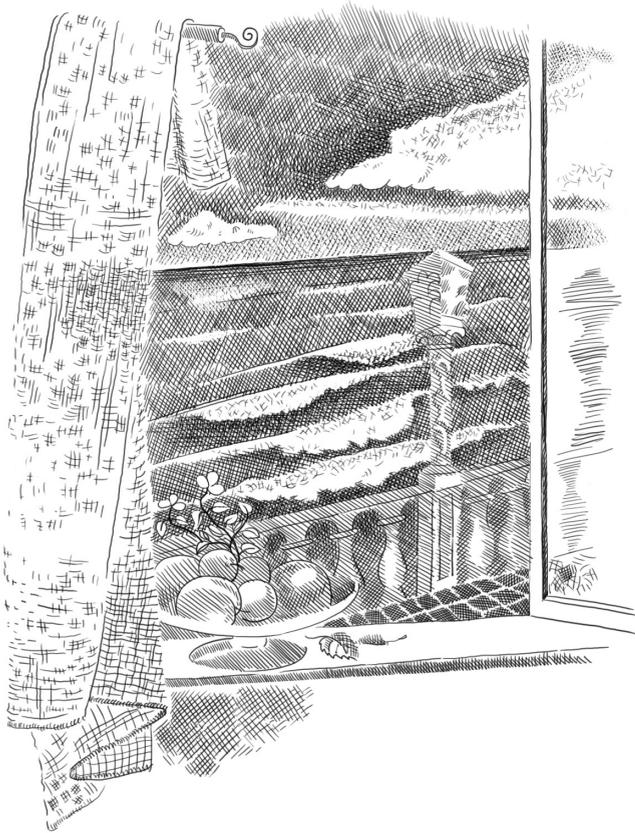
*Над кряхтеньем её да оханьем
потешался честной народ.
И река затряслась от хохота,
так что лопнул от смеха лёд.*

Февраль 2014 г.



*Соро́чинская
ярмарка*

КОКТЕБЕЛЬ: ТВОРЕНИЕ



Отгородить кусочек моря
карминным каменным хребтом
и гальку крупного помола
сушить на блюде золотом,

ловить серебряную рыбу
весёлым утренним зрачком,
пока сторожевая глыба
не станет первым маяком,

и, не заботясь о ночлеге,
по камешку скалистый кряж
наращивать,
скреплять побегом
лозы, пока желтеет небо
и волн татарские набег
берут измором дикий пляж.

Ещё ни рая нет, ни ада,
ещё рыбак и виноградарь
ворота бухт не отворил,
но бьёт волна, и нет с ней сладу.
Чем выше горная ограда,
тем громче море говорит.

12 сентября 2011 г.

КОРНЕВОЕ

Село Терпенье, поселенье
в степи — посланье для меня.
Потомок в *надцатом* колене,
терплю и теплою у огня.

Чем глубже корневая зона,
сильней сцепление с землёй.
Мои азы — из Приазовья,
я — прирождённый землерой:

я рою грунт еженедельный,
пока из недр не хлынет высь,
и я, как пращур безземельный,
ищу незанятую мысль.

И я, как он, молю светила
за милых, тех, с кем по пути.
Песчаник Каменной Могилы —
моей тетради прототип.

Когда пурга врывалась в щели,
доказывая, кто главней,
мой сверстник высекал в пещере
стихи

и думал обо мне —

предупредить, что год от года
слабеет от болезней род,
что зверь из зарослей выходит,
когда его никто не ждёт.

*Тысячелетья до потопа,
всего-то век — до ледника.
Передавай наземный опыт
в своих наскальных дневниках.*

Да, мне понятны эти коды
(язык стиха для всех един),
но повторяю год от года,
чтоб в незапамятные воды
нам незлопамятно входить.

2013

Моя семья родом из села Терпенье Запорожской области. Прадед, Николай Любецкий, прабабушка, Ярина Любецкая, в честь которой меня назвали, перебрались после войны из Терпенья в Мелитополь, но поддерживали связь с терпенской родней. В семье Николая и Ярины Любецких было шестеро детей. В Терпеньи училась бабушка, там же крестили маму.

В полутора километрах от Терпенья, в долине реки Молочной вырастает посреди Великой степи Каменная Могила — нагромождение каменных глыб из песчаника высотой до 12-ти метров.

В гротах и пещерах Каменной Могилы древние люди оставили несколько тысяч рисунков — *петроглифов* (с греч. — «резьба по камню»). Многие из них считают изображениями животных (быков, ланей) или их сочетаниями («упряжка быков», «животные в зарослях»).

Каменная Могила древнее египетских пирамид. Уникальность места в том, что здесь пересекаются изображения разных исторических эпох — от позднего палеолита до средневековья, а хронология рисунков охватывает период от 25–22-го тысячелетия до н. э. до X–XII веков (больше о Каменной Могиле можно узнать на сайте заповедника ru.stonegrave.org). Тысячелетиями Каменная Могила была местом паломничества и сакральных обрядов, степным храмом.

В 2008 году заповедник «Каменная Могила» получил статус Национального.

1

Что было здесь: алтарь? ночлег?
Охотник, семьянин, художник —
здесь жил разумный человек,
и только это непреложно.

Стояла ночь с грозой в руке.
Чтоб свет не позабыли дети,
на чёрном в блёстках потолке
он контур солнечный наметил.

Ещё не время говорить.
В дубовой люльке гулит вечность.
Но можно солнце сохранить
в настенных, точечных насечках.

В Украине петроглифы обнаружены в двух местах: в Каменной Могиле и в пещере Чокурча на территории Симферополя.

Чокурча, пещера в скале на левом берегу реки Малый Салгир, — одно из древнейших жилищ человека на территории Европы. «Первооткрывателем» Чокурчи был крымский археолог С. И. Забнин, в 1928 году представивший Таврическому обществу истории, археологии и этнографии сенсационный доклад о палеолитической стоянке у Симферополя. Тот же Забнин впервые обратил внимание на изображения, нанесённые на стены пещеры: «Внутри она полукруглой формы, глубиной и шириной в 6 метров... В конце потолка высечены тамги»... В известняковой скале выдолблены полуметровые изображения солнца с лучами, мамонта и рыбы. Возраст чокурчинских «рисунков» некоторые исследователи определяют в 40–45 тыс. лет.

При раскопках в Чокурче были найдены и останки первобытных людей, и кости древнейших животных, и кремниевые

2

Теперь ты знаешь, Чокурча,
что известняк слабей бумаги.
Где прежде теплился очаг,
годами жгут костры бродяги.

Тускнеют жаркие лучи.
Сюда не хаживать туристам,
и круг родства неразличим
под спудом замершим, землистым.

О, равнодушие — солончак.
Не прирастает берегами.
Мой век — пещера Чокурча —
придушен копотью и гарью.

остроконечники, скрёбла, костяные орудия. Почти все находки погибли во время войны. Остались стены и рисунки.

Впрочем, остались ли...

Несколько последних десятилетий Чокурча — археологический памятник мирового значения — служит пристанищем для местных бомжей. Жители близлежащих улиц годами вывозили мусор в окрестности пещеры. Под копотью от современных костров уже не видны ни солнечный диск, ни мамонт, ни большая рыба...

Памятник природы «Пещера Чокурча» планировали присоединить к археологическому заповеднику «Неаполь Скифский», но, похоже, эта идея не нашла приверженцев. Хотя попытки спасти Чокурчу — не одиноки. Несколько лет назад депутаты Симферопольского горсовета, пытаясь привлечь внимание к страшному состоянию пещеры, устроили здесь субботник. За день вывезли более четырёх тонн мусора. Восстановили решётку на входе.

Ещё скрипит Чумацкий Воз,
переправляя души к Богу,
но мы почти не видим звёзд
под ледниковой толщей смога.

Высотки золотом горят,
и горьким мёдом плачут соты.
И я опять иду в наряд
по опрокинутым высотам.

Так звери к высохшей реке
идут привычными местами.
Весна висит на волоске
от затаянного ледостава.

Трахея — узкий дымоход —
извне тепло не пропускает.
Лишь сердце бьётся в небосвод
и солнце в небе высекает.

2013

В сентябре 2013 года с несколькими друзьями приехали в Симферополь. К «моей пещере». Нашим провожатым стал симферопольский журналист, краевед Олег Широков (прочитав его статьи о Чокурче, разыскала Олега в Интернете). Долго шли задворками Лугового (район на окраине Симферополя), искали мостик через речушку. Так и не нашли. Перебирались по скользким, тёмным камням. Наконец вышли ко входу в пещеру... Остатки «восстановленной» решетки вряд ли смогут кого-либо остановить — большую часть её, скорее всего, утащили на металлолом.

В пещере — следы недавнего пиршества «неандертальцев», зола от костра, пустые сигаретные пачки, битые бутылки. На одной из стен — там, где по описанию Забнина должны быть древнейшие рисунки, — белое на чёрном граффити: «Миша».

ПЕТРОГЛИФ

Кормилец памяти, ловец
оленых душ, неандерталец,
во мне пещерный человек
как постоялец обитает.

Кипит совместное житьё.
По силам делится работа:
мне — кройка, стирка и шитьё,
ему — рыбалка и охота.

Но, ближе к ночи, на стене
он чертит линию косую.
Слова достались только мне.
Он нем. Поэтому рисует.

Всё то, что за день увидел,
а жестом выразить не сможет:
чудного зверя и овал,
на солнце зимнее похожий.

Для речи не готов надел.
Нет пашни для засева литер.
Он пересказывает день
в своих бесхитростных граффити.

И быт суров, и зверь трёхглав,
и прост, но самобытен почерк.
Для сбитых в строчки пиктограмм
я — персональный переводчик.

РЕЧКА СОВКА

1

Но сколько ни держи размах,
какие истины ни трогай,
любовь останется в стихах,
как неразгаданный петроглиф.

Как голос крови, вопреки
векам живой и неведимый,
но на земные языки
пока что непереволимый.

2013



Слабеет натяжение воды,
и где невесть сегодня нерест рыбы.
Чьи речи, чьи печатные труды
подхватят обессиленную Лыбедь...

Слабеет напряженье, жидкий ток —
искрит местами, падает с годами.
Но мы — родня. Любой из нас — приток
другой реки. И кто-то в нас впадает.

Так речка Совка, тихий, без стремнин,
лесной родник, воркующий по-детски,
зимой и летом с правой стороны
питает Лыбедь родственной поддержкой.

Бетонный терем, царский карантин.
Едва жива река — и то везенье.
Земли — в обрез. И тех, кто на пути,
зло и нещадно втоптывают в землю.

Но речка Совка, сводная сестра,
чужое семя в княжеском семействе,
найдёт в ярах, проводит до Днепра.
Таись, родная, с ночи до утра
от ярости людской и тяжб земельных.

Когда-то судоходная Лыбедь, правый приток Днепра, служила одним из рубежей Киева, в реке водилась рыба, на берегах строили мельницы, а сладкую родниковую воду из впадающих в реку ручьёв продавали в Киеве вёдрами. Сегодня Лыбедь, как и большинство киевских рек, живёт (живёт ли?) в коллекторе, изредка показываясь горожанам там, где течёт по поверхности в бетонном желобе.

Лютует век. Невмоготу дышать,
но вспоминаю, подавляя ропот, —
не замерзает Совка. И душа
у малых рек перенимает опыт.

Дай Бог, с доверьем дружеским теперь
не спутать рядовую легковёрность.
Душа течёт в коллекторе потерь
и лишь в стихах выходит на поверхность.

И пробивает под землёй ходы,
и над землёй возносится свободней.
Душа наполовину из воды,
наполовину — из любви Господней.

Мы все — притоки. С ночи до утра
перетекаем, увлажняя недра,
за пазухой у вещего Днепра,
за день пути впадающего в небо.

2013

Лишь крошечный отрезок пути, немногим более 300 метров, Лыбедь протекает в естественном русле — возле Лысой горы, неподалёку от того места, где впадает в Днепр.

Лыбедь, принимающая на своём пути уличные стоки и сливные воды промышленных предприятий, — одна из самых загрязнённых рек в Украине.

Лыбеди вряд ли хватило бы сил дойти до Днепра, если б не притоки, подпитывающие её на всём протяжении пути и, как сама Лыбедь, не замерзающие зимой: ручьи Песчаный, Мокрый, Кловский, Кадетская роща, Протасов Яр, Скоморох, Бусловка, Вершинка, Ореховатка, Ямка, Совка... Многие киевляне и не подозревают о существовании этих малых рек, ведь большинство из них тоже спрятаны в коллекторе.

ЯВОРОВСКИЙ ПОЛИГОН (молитва Архистратига Михаила)

Я помню, мой Господи, всех, кого Ты сотворил
(о павших скорбеть нелегко, но о падших — не легче).
Ещё до того, как Ты *их* научил говорить,
стрелять наловчились *они* в перелётных и певчих.

А птицы — как люди — курлычут своё «Отче наш»,
но сколько стрижей не смогли долететь до Синая.
Далёкий потомок колчана, тугой патронташ
плодится и множится в недрах стальных арсеналов.

Голодным тридцатым, обугленным сороковым
едва ли найдутся могильные ямы по росту.
Когда на земле не осталось мишеней живых,
они научились из пушек палить по погостам.

Я помню, как взрывы сметали опоры мостов,
как дрогнули стены и кровли под залпом прицельным.
Когда не осталось ни тел, ни нательных крестов,
они научились из танков расстреливать церкви.

Веками — стреляют. Погоня идёт по пятам.
И снова бегу по горящим ярам и пригоркам —
несу на руках Богородицу к Райским вратам,
крылом прикрывая от пули, летящей вдогонку.

Нет времени нашего тяжче из прочих времён,
но эта же тяжесть раздавит грядущего Хама.
Я верю — однажды на Яворовский полигон
придут звонари, и миряне потянутся в храмы.

НЕБЕСНАЯ СОТНЯ

Толоку затеют, всем миром замесят дома.
Поджаристой коркой прихватится глина сырая.
И к Третьему Спасу хлеба соберут в закрома,
и шумные свадьбы к Михайлову дню отыграют.

2013

Сколько страшных мест на этой земле.

В ноябре 1939 года неподалёку от Львова началось создание Яворовского военного полигона. Он и сегодня остаётся самым большим в Европе. Чтобы «расчистить место», принудительно выселили всех местных жителей. Стёрли с лица земли 170 сёл и хуторов, 14 кладбищ, разрушили 20 церквей, два костёла, засыпали полторы тысячи колодцев.

В 1927 году в селе Большая Вишенка, где было почти 5 тысяч жителей, начали строить каменную церковь. Собирали на храм всем миром. Церковь освятили в честь Архистратига Михаила. Однако храм прожил только 13 лет. Депортация местного населения началась в 1940-м. С того же года Михайловскую церковь использовали как мишень для танков. Цитирую блоггера Романа Бречко (запись в LiveJournal): «Уничтожали церковь особо цинично. После первых попаданий снарядов и разрушения куполов на их место ставили картонные имитации и по ним стреляли снова. Можно только представить, насколько крепкой была конструкция церкви, если смогла такое выдержать...»

Руины Михайловской церкви — и по сей день чернеют на Яворовском полигоне. Летом 2013-го — приехала в Яворов. Но добраться до «расстрелянной церкви» не довелось. За несколько дней до этого начались очередные военные учения. Отказываясь ехать, местные таксисты в один голос повторяли: «Сейчас нельзя, стреляют...»

Ты знаешь, что речка Почайна,
погибшая в давнем бою,
доныне течёт беспечно
и лодки качает в Раю?

И сходятся к речке повстанцы,
друг друга в лицо узнают.
А пули сюда не достанут,
и здесь никого не убьют.

Проходят расстрелянной ратью
долинами райской земли
мои милосердные братья
и кровные сёстры мои.

И раны в реке омывают,
и делают краткий привал.
Кто скажет, что так не бывает,
тот просто в Раю не бывал.

О, горькое слово — свобода...
Ладьи не отходят, стоят,
чтоб в каски крещенскую воду
набрал на дорогу отряд.

Почайна — легендарная киевская река, в водах которой князь Владимир крестил Русь. До наших дней речка Почайна не дожила.

И кто-то, летящий вне зоны
покрытья, нарушит закон
и включит на миг телефоны
мобильною связью времён —

чтоб каждому — собственноручно —
отбить сообщенье живым:
«Вот-вот над печерскою кручей
рассеется яростный дым».

22 февраля 2014 г.



Жив страж души во тьме потерь.
Пусть тьма незряча и невзрачна,
но чуткий страж и чудный зверь
во мне соседствуют удачно.

Тебе, мой саблезубый страх,
не выстоять, как стенам Рима,
когда во мне и зверь, и страж,
как страсть и стыд, неразделимы.

*Исполни жалобу мою.
Покуда стыд слабей желанья,
я зверю о любви пою,
о роднике и гибкой лани.
Исполни жалобу мою.*

Под небом беспросветно-синим
она крылатее, чем Сирин.

Она настойчивей, чем речь,
из горла хлынувшая лавой.

Спит зверь в груди, мой зверь усталый.
И страху некуда прилечь.

2003

СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА

1

И жаркие они, и яркие —
дни холодам наперерез.
А звёзды падают, как яблоки,
на лес и луг, на луг и лес.

И нецелованные яблоки,
преображенские дары
везут в Сорочинцы, на ярмарку,
другие сёла и миры —

по кровеносным, давним, женским
путям земным, дородовым,
по светлым улочкам вселенским,
по тёмным кольцам годовым.

И солнце щурится спросонок,
в обед недолго прикорнув.
Идёт сентябрь и за бесценок
скупает лето на корню.

В торгах и плясках многолюдных
проходит жизнь то там, то здесь
и ждёт объявленного чуда
от серых в яблоках небес.

А люди плачутся о разном —
долги, дороги, недород.
И плачет скрипка,
будто праздник
не повторится через год...

2

...и вышиванки из Китая
везут на праздник челноки.
На старом месте нарастают
тюки, баулы, клумаки,

ряды, лотки, горшки и плошки,
сусальный август про запас,
где мы пересекаем площадь,
а площадь рассекает нас.

Как резко отпускаешь руку —
так отлучают от груди,
так репетируют разлуку,
когда молчат «не уходи».

Хотя давно глазам не верю,
а только сердцу наугад,
но ожидание потери
страшнее будущих утрат.

А праздник варится и вьётся,
и остывает под кустом,
а солнце жалится и жжётся,
дымится в воздухе густом.

И полдень тянется к обеду,
и площадь тянет в общепит —
галушек порцию отведать
да чарку беленькой испить,

а к вечеру откатит шибко,
туда, где музыка вопит,
в притоп выплясывает Скрипка,
в припев акустика сипит.

Но как бессонно и счастливо
гудит пчелиный окоём
и мёд в бутылку из-под пива
нам доливает до краёв...

Давно к тебе не дотянуться,
но можно площадь перейти
по лезвию гипотенузы,
по кроветворному пути,

где, озирая мир и город,
как подзабытую строку,
нас перечитывает Гоголь,
ладонью подперев щеку.

Покрова

ПОКРОВА



А к рассвету полегчало,
знать, услышала Покрова.
Девять месяцев молчала
я, вынашивая слово.

Я заполнена по кромку
в переспевшей тишине.
Говори со мной, Покрова,
о других и обо мне.

И ни плача о незрячих,
и ни стога о глухих.
Отмоли мою удачу,
отмолчи мои стихи.

Отпиши в записке краткой,
в письмеце на небеса —
после зимней лихорадки
я выхаживала сад.

Перевязывала ветку,
перетягивала швы.
Я с руки поила вербу
млечной жалостью травы.

Отпиши: огнеупорный,
через сад наискосок
пробегает животворный
мой творительный поток.

Разбери меня по крохам,
разомкни календари.
Говори со мной, Покрова,
ради Бога, говори.

Скоро ль пчёлы-новосёлы
на крестины прилетят?
Девять месяцев носила
безымянное дитя.

Словно месяц из тумана,
из намоленных надежд
вырастает он — желанный
мой родительный рубеж.



Ребёнок, заплывший в меня из бездонных глубин,
парит, невесом и невидим, плывёт, неврeдим,
растёт, обживая уверенно тёплое лоно,
и медленно движется вниз по пологому склону.

Он многое помнит: гигантские впадины, рифы.
Уже отличает сердечные ритмы от рифмы.
Он знает меня изнутри, как никто не узнает:
я не приспособлена к дому, я невыезная
с любимой работы... Но тот, кто парит невесомо,
иной распорядок заводит для дня и для дома.

Ребёнок и я — слишком долго мы плыли по кругу.
Мы день подгадаем и выйдем навстречу друг другу.

Даша, моя дочь, родилась 14 октября — в день праздника
Покрова Пресвятой Богородицы.

ДАРЫ ВОЛХВОВ

1

К твоим ногам дары несут волхвы.
К твоим стопам прикладываю губы.
Чумацким Шляхом сонные волы
везут на Землю солнечные судьбы.
Ещё венец не падал с головы
и первый слог не подарили губы...
Но дни пройдут, как по небу волы.
Весы качнутся. Год пойдёт на убыль.
Стрелец проверит прочность тетивы.
Весы качнутся. Год начнётся снова.
К твоим ногам я возложу дары —
родную речь и ласковое слово.

1997

2

Верхушки лип, макушки башен
и чёрные зрачки скворешен
сказали мне, что мрак не страшен,
он для острастки здесь развешен.

А я — хороший пересмешник.
И повторить совсем не страшно,
что мрак на молоке замешан,
звездой сахарной украшен.

2003

Тяжело засыпала, плакала
горько и без причины.
Все твои страхи, маковка,
излечимы.

Тише, Вселенная. Надо ли
разговаривать громко?
Дороже злата и ладана
сон моего ребёнка.

2014



Пусть небольшой, но свой, но тёплый дом
обязан быть у каждой божьей птахи,
чтоб были в нём стол, стул, стихи и страхи,
и детская, и садик за окном.

Неплохо — школа, парк и магазин,
но важно — чай в стакане оградённом
и ласточки, кричащие вблизи
в предчувствии дождя неугомонном.

Где ночь ночует в парке под замком,
а день привязан, как воздушный шарик,
там ласточки, кричащие о том,
о чём я даже думать не решаюсь.

Простая жизнь, почти что без затей,
настойчиво часы стучат и тают.

Но дождь прошёл, и улица светлей,
и ласточки, как голоса детей,
весь день кричат и ночью не смолкают.

2008

Ирине Потанской

Что ни день из блаженных семи
дней в неделю — касаешься чуда:
сочиняешь обед для семьи
и ласкаешь, и нежишь посуду.

Что за звуки, вобравшие весь
женский опыт бумагопрядильный:
здесь лепечет молочная смесь,
там довольно урчит холодильник.

Оживает вода на плите —
подспеет к обеду рассольник.
Под подушкой — Пушкин («Метель»),
мой единственный тайный любовник.

Долго глажу рубашку твою.
Кто разгладит меня? кто захочет,
если ночью пишу и пою,
дую в чашку, колдую, пророчу...

Кухня — жёлтая кружка без дна,
милосердный поваренный омут.
Только здесь я бываю одна —
узкий берег меж миром и домом.

Засыпает семья за стеной.
В закрома засыпаются годы,
благодарные кухне земной
за мою неземную свободу.

2011

Как в землю отдохнуть уходит холод,
чтоб выйти из земли на Покровá,
так год за годом близкие уходят
в неблизкие, но тёплые края.

Не быстро привыкают к поднебесью
и чаще окликают попервах:
«О, если б ты был холоден... О, если б
ты был горяч в поступках и словах».

Беру тепло взаймы, не прячу, трачу,
плачу за свет, за хлеб благодарю.
Я провожаю, плачу и не плачу.
«Скорее возвращайтесь», — говорю.

Так будем ждать и свидимся, мы будем
жить здесь и там, несхожие в одном:
там, в поднебесье, не болеют люди,
но лечат мир молитвою о нём.

Да будет всяк участлив и приветлив
к моим родным в надземных городах.
Там сад сплетён из воздуха и веток.
Совсем как здесь, в Русановских садах.

Ноябрь 2013

* * *

Весь день кричат и ночью не смолкают
кузнечики, соседи, соловьи.
И вдруг — недолго — тишина такая,
что слышно, как минуты пролетают
и яблоки краснеют от любви.

О, райских ягод терпкий аромат,
вплетённый ловко в запахи обеда.
И кружевная тень на виноград.
И дни, как журавли, летят, летят,
неспешней, чем застольная беседа.

Похоже, отпуск близится к концу.
Варенье сварим и затеем сборы.
Вот только б не забыть задёрнуть шторы...
И яблоки не позабыть, которым
любовь навек прихлынула к лицу.

Прощёное воскресенье





Эти горе-слова
не растопишь слезами.
Ни жива, ни мертва
я стою на вокзале.

И чернеет вдали
небо над Фиолентом.
Я на сгибе земли.
В кассе нету билетов.

Сердце бьёт, как родник,
и расходятся створки.
Приютит проводник
в уголочке, в каптёрке.

И в купейном тепле,
по кровящему следу
я приеду к тебе,
завтра утром приеду.

Я тебя обниму
и замру под ключицей.
В эту горе-весну
ничего не случится.

Я доеду домой
через пламя и копоть.
Мой божественный, мой
человеческий опыт.

2011

КОГДА СПАЛИЛИ ТРОЮ

1

Когда спалили Трою, я была
искрящей веткой в греческой жаровне.
И пробивался огонёк неровный,
и вырастала, множилась зола.

Когда спалили Трою, я была
ресницей горемычной Андромахи.
О, в пересохшей горловине страха
слеза — щекою — как пустыней — шла.

Как неизбывны пламя и вода...
Когда пожаром заливало Трою,
шли греки,
будто алые стада,
на беспощадный праздник водопоя:

напиться боли и казнить с плеча,
под самый корень — и неспелый колос.
Уже последний камень замолчал,
и тишина огромнее, чем космос.

Беги, любимый, видишь, до угла
спасительного — площадь, точно поле
пшеничное, там злаки — знаки доли,
тропинка в руки, словно я, легла.

Когда спалили Трою, я была.

2

Вот и снова я благодарю
каждый день твой и благословляю.
Сентябрю, октябрю, январю
прошепчу о тебе, прочитаю.

Им одним. Кроме них, никому
не скажу, утаю, не открою,
что тебя обнимаю в дыму
на коленях пылающей Трои.

Будет утро. Разбудишь меня,
закачаешь на гребне тумана.
Есть забота у этого дня —
искупать золотого коня
в золотой тишине океана.

3

Святой крепкий, обнять его прежде,
чем пошлешь колесницы за ним.
Я сегодня звучу как надежда,
я — надёжный её псевдоним.

Пусть не ладони мои, так хотя бы строки
тихо коснутся лица твоего и тела.
Нежность во мне накопилась, как в почве стронций,
и разрушает медленно, неумело.

Я не привыкла брать у любви бесплатно.
Я заплачу, чтоб тебя защитить от холода.
Тесные — как обноски, чужие платья —
дороги трещат по швам и бегут, расходятся,

как зёрна с колосом,
нет, — Одиссей с Навзикаей...

Но пока меж золой и небом, землёй и золотом
ты стоишь один, не касаясь меня руками,
нежность в тебя проливается, перетекает
алая,
милосердная, как мирный атом.

2011

И бился день, как мелкая рыбёшка
о лёд,
и припустился наутёк.
Я жду звонка. Я так ждала ребёнка —
всем телом — перехаживая срок.

Я — ожиданье телефонной трели,
вибрации в кармане тишины.
Я жду звонка в метро, в кино, в постели.
Так после «похоронки» ждут с войны.

Я жду звонка. Так ждёт дитя — сочельник:
вот-вот с Востока явятся волхвы
и выведут твой голос из вечерней
намоленной волшбы.

2011

И не прочтут — не отмечали
в перекидном календаре,
что мы с тобою танцевали
в том сумасшедшем октябре.

Как танцевали воск и пламень —
сходились, отстранялись, шли.
О, как послушно, как исправно
я падала в тебя, что камень,
под притяжением Земли.

Пока не стала в тягость... Танец
едва ли вымолишь займы.
Как неумелый новобранец,
я отбиваюсь от зимы.

Зима — в остатке, я в излишке.
У крыш, у стен, у голубей
прошу минутной передышки
от притяжения к тебе.

2011

Нет, нужно как-то жить — семья, дела,
работа и забота о насущном —
накрыть на стол и встать из-за стола,
покуда ход событий не запущен.

О, только б не заметила семья,
что я кровоточу невосполнимо,
как режу хлеб — и режутся края,
как режу хлеб — а попадаю мимо.

Нет, нужно жить, ведь раньше я жила
не вспять, а вслух, по-гречески отважно,
по-русски — вширь, пока из-за угла
не вышли трое: память, холод, жажда —

в глаза глядели, трогали живот —
кто в нем живёт? — ломали дверь в каморку...
Кто жив, кто умер, кто во мне живёт,
тот будет говорить, когда умолкну.

Мне нужно жить на этом берегу —
хотя бы как письмо или подстрочник.
Смогу согреться, чай согреть смогу, —
я с памятью не справлюсь в одиночку.

2011

И невозможно не зажечься
и не обжечься на почин...
Так Пушкину везло на женщин,
как мне на преданных мужчин —

когда на выручку, в подмогу
они приходят в час любой:
«Мы здесь, с тобой, и слава Богу,
мы не расстанемся с тобой,

мы здесь — разъять кольцо кручины,
сварить целебное питьё...»
Мои друзья, мои мужчины,
родное воинство моё.

Пусть первый опыт мой замешан
на молоке и муке жить,
но рядом с опытом — блаженство:
благословить мужчин и женщин,
моих мужчин благодарить.

2011

А если нам вернуться в словари
любимых мест? Нет, в золотую прозу,
где Город расставляет фонари,
как часовых у царского обоза.

Все улицы ещё впадают в Днепр,
а Левый берег столь необитаем,
сколь лешими заполнен, и на дне
оврага ходит рыба золотая.

Мы были бы свободны и близки,
не так, как берега реки великой,
а словно струи маленькой реки,
звенящей вдоль поляны с земляникой.

Хотя одной земле принадлежим,
как Левый берег, ты недостижим.

Не подменяя музыку собой,
звучу в одном адажио с природой.
Как этот полдень серо-голубой
следит за танцем неба с непогодой.

Не подменяя музыку собой,
я стала звуком гласным, отголоском
весны твоей, мой город голубой,
твоей зимы рифмованной полоской.

Из словарей изъято слово «мы»,
отзимовал мой дом, сожжён, подорван,
а я — о хлебной милости зимы,
о санках, пролетающих Подолом.

Звучу о том, что грянут январь,
в которых мы вернёмся в словари.

2011



Щедро гостя привечаю
на изломе января.
За ночным столом, за чаем
одинокество и я.

Пробуй, гость, пирог с малиной,
и варенье, и халву.
Я живу наполовину —
я теперь одна живу.

Оттого с такой охотой
угощаю пришлеца —
одарить его заботой
и печаль свести с лица.

Трудно верится в удачу —
хоть одной живой душе
рассказать, что я не плачу,
я оплакана уже.

Я чаёвничаю наспех,
и срываюсь, и бегу.
Я вчера любила насмерть,
а сегодня не могу.

Я теперь живу украдкой,
затаилась — и живу.
Изменяются повадки
и привычки наяву —

по ночам не выключаю
 верхний свет с недавних пор.
 Доливаю гостю чаю,
 продлеваю разговор.

Кто-то в доме — и не страшно
 снам отправиться вдогон.
 Встану утром — гость вчерашний
 ставит чайник на огонь.



Все эти племена имели свои обычаи, и законы своих отцов, и предания, каждое — свои обычаи. Поляне имеют обычай отцов своих тихий и кроткий, стыдливы перед снохами своими и сестрами, и матерями; и снохи перед свекровьями своими и перед деверями великую стыдливость имеют; соблюдают и брачный обычай...

Повесть временных лет

Похоже, прадеды-поляне
 проснулись. Ближе к январю
 с рябинами и тополями,
 я, как с родными, говорю.

Что делать, если больше не с кем?
 Зима протоптана на треть,
 а гололёд — как довод веский
 молчать и под ноги смотреть.

С рябинами и тополями —
 про всё, что за день обпекло.
 И я, как прадеды-поляне,
 ценю родимое тепло.

Когда из чаши Водолея
 течёт молочная река,
 где тот, которого согрею
 заботой мягче молока?

Где тот, кому без искаженья
 перескажу, когда пойму
 сближенье слов, стихослуженье,
 всё, что предшествует ему?

Пусть зеркало меня обманет,
обнимет дождь, пригреет сон,
пока плывёт в моём кармане
немой, как рыба, телефон.

И ожидаю поминутно —
о, сколько медленных минут! —
а вдруг и я нужна кому-то,
и позвонят, и позовут...

А кто-то слушает затишье
и ждет, пока я прорасту
не в зазеркалье, а в застишие,
не в глубину, а в высоту.

2012



Невесомые, шёлковые слова —
в рядовой переписке.
Словно фокусник из рукава
вынимает платок рукописный

и сугробы целует весна,
точно руки — покойнику.
Те слова — что отдушина сладкого сна
после сна беспокойного.

А по правде-то — всё, что хотели сказать,
проступает на белом
не в глаголах, а в складках меж ними, в пазах,
в неразрывных пробелах.

2012

Совсем не страшно гремит — на треть
от полной силы, балует, бавится.
А ласточка, не успевшая долететь,
в стене дождя к своим пробивается.

Недавно и я пробивалась в твои
владенья — напрасно и всё же отважно.
Гром наигрался с пространством, и
тихо вокруг, и свежо, и влажно.

Июль 2012



1

Задержись, соучастник
во грехе и в стихе,
в нашем луковом счастье,
временной шелухе.

Пусть пометка в блокноте
предваряет петит.
Жизнь играет по нотам, —
нет, как поезд летит.

Жизнь открыта для новшеств,
но случайна, как тромб, —
и, едва разминувшись,
мы столкнёмся в метро.

И, чудней иностранцев,
мы замрём в полный рост
(пересадочных станций
узловой перехлёт —

не понять, не доехать...)
и растаем впотьмах,
как футбольное эхо
в близлежащих домах.

Июль 2012

Наследуй природу — её цветовой разнобой,
 когда монохромны, огромны угоды обиды.
 Всё сложится, станется, всё приключится с тобой.
 А год будет яблочным — это уже очевидно.

Наследуй природу — наставник она и поделщик:
 неделя своё отыграла — и на посошок,
 но в поле выходит румяный бунтарь-понедельник.
 Год будет футбольным — и это уже хорошо.

Не век же тебе куковать на скамье запасных.
 Припрятаны краски семье и работе в угоду,
 и годы тебе неподвластны, и ливни, и сны,
 а яблочный матч состоится в любую погоду.

Неловкое лето всё делает наоборот:
 и встречи впустую пасует, и дождь опрокинет.
 Но август-привратник стоит у осенних ворот
 и яблоки с лёту берёт, как заправский голкипер.

Оттого ль пугливей тени,
 приглушённой смех,
 что земля в канун Крещенья
 слышит вся и всех?

Я — не новость, не случайность —
 долгожданный дар.
 Загадай меня в сочельник,
 трижды загадай.

Стоит ли бояться сглазу,
 сны разгадывать годами.
 На меня ещё ни разу
 не гадали.

Вечера однообразны,
 праздны, серы, сиры.
 За меня ещё ни разу
 не просили.

Где б ты ни был, кто б ты не был,
 вымоли, моли:
 попроси меня у неба
 и земли.

МАСЛЕНИЦА

1

*И прости нам долги наши,
как и мы прощаем должникам нашим.*

«Отче наш»

Даже если Всевышний
Судный день упразднит,
я — себе, разлюбившей,
самый первый должник.

От тепла до Крещенья
втихомолку и вслух
я училась прощенью,
как рука — ремеслу,

как терпению — Лыбедь,
или почерк — руке,
отпуская обиды,
как венки по реке.

Свет весенний для тела,
что зерно — голубям.
На Прощёной неделе
я прощаю себя,

чтобы петь о хорошем
и к добру — хорошеть,
чтоб зима ненароком
не примёрзла к душе.

2

И паперти косил повальный март.

Борис Пастернак

Вот он, масляный, сырнй
край озимых недель.
Звуковые посылки
шлёт февраль-свиристель:

переливистый щебет,
рьяный степ молотка.
Скоро месяц ущербный
округлится в боках.

Что ни день — то предтеча
златопевчей весны,
и в домах, что ни вечер,
затевают блины.

Пир горой, что в слободках,
что в высотках, грядёт.
И шумней маслобойни
март валит из ворот.

Снежный ворот отогнут,
и распахнута ширь.
Вот он, час подготовки
к воздержанью души,

к молчаливому соло,
заполнению сот.
Удержи меня, совесть,
от словесных пустот,

от острот и злословья,
охраняя простор
между блинным застольем
и Великим постом.



Мой Левый берег, ты неудержим,
хотя мосты летят к тебе, как стрелы,
но за края выплёскивает жизнь
в русановских и дарницких наделах.

Всё ниже ты спускаешься к Днепру,
орду машин выводишь из засады
туда, где полыхает поутру
сиреневое зарево Ботсада.

Мой Левый берег, будто на дрожжах
растут твои торговые громады,
в то время как на правых рубежах
подельники сбиваются в бригады.

Подольский улей в щепки разнесён,
сметают крыши и меняют почву.
И кем из нас Подол приговорён
и в откуп сдан молчанием заочным?

2012

С дословной нежностью к нетронутым местам,
к словам необработанным, простейшим
прочти меня, раскрой, перелистай
прощённую, воскресную, простившую.

По будням ли, по нелетальным дням
читай меня губами и руками,
пока моя подольская родня
Андреевский читает каблуками.

Ещё следы рифмуем на снегу,
а в небесах уже по-майски жарко.
Послушай сам — на Левом берегу
гудит весна, как жаровыжималка.

Февраль — не хлебобоб, а хлебосол:
хоть сыропустный, но чревоугодный.
А я легко отдам и кров, и стол
за чай с тобой, за хлеб с тобой, за соль
из рук твоих в мой казанок походный.

Отвоевала лишний день в году
и ночь с тобой у неба на виду,
а город мой опять в петле осады:
бульдозеры Андреевским идут,
как будто танки рвутся к Сталинграду.

Последний снег в году черней смолы.
Читай скорей по буквицам нестойким:
устала я, и улицы мои
слабеют и сдаются под застройку.

Кто в городе остался из родни?
Старейшин — в тыл, а юных — на ученья.
Одна весна в подмогу, и одни
слова теперь выводим в ополчение.

Мне трудно в одиночку по утрам,
я плачу, молча говорю с тобою.
А город мой спускается в метро
и уступает небеса без боя.

И на войне моей — как на войне:
зовут — встаю, иду на переключку,
ведь ты и город — спаяны во мне
пожизненно уже и постранично.

И как мне вас, любимых, уберечь
от стольких бед, раскола и осколков,
когда и щит, и меч — одна лишь речь
славянскойковки.

2012

* * *

И в этой были не оставлю,
и боль твою
перетоплю и переплавлю,
перетерплю.

Перемолчу твоё молчанье
и плакальщиц перекричу.
Смотри: стихает и легчает,
и отпускает по чуть-чуть.



* * *

Когда я снова научусь дышать,
и спать, и есть — прочту: ты есть на свете,
и, словно подвиг, совершая шаг,
я устою на шатком парапете

и выстою, как дерево зимой, —
наотмашь бьют, бесчинствуют метели,
когда ты приведёшь меня домой
и спрячешь в рудниках своей постели,

когда я снова научусь дышать,
зима уйдёт в ручьи, ключи, овраги.
Я плоть от плоти — взмах карандаша
в твоей руке над плахою бумаги.

КОКТЕБЕЛЬ: ВЕРНУТЬСЯ

И море, и Гомер — всё движется любовью...
Осип Манделштам

Не подготовишься к волне,
с лихвой воды хлебнёшь,
но сдвинешь камешки на дне
и соли наберёшь,

и понесёшь её в горсти
за волнорезы, волнари —
скорее — зимы угостить,
приправить январь,

присыпать скользкую тропу,
шаги считая вслух,
укутать сонную траву
в просоленный кожух.

Зиме пожертвуешь вдвойне:
и соль, и боль отдашь скорее.
И, словно Илион к войне,
не подготовишься к весне
и захлебнёшься ею.

Но разве привыкать тебе
держаться на плаву?
Откроешь ранний Коктебель,
как первую главу,

и в древнем списке корабли
прочтёшь в один заход.
Вот так, отвыкший от любви,
ты пьёшь её взахлёб.

ОРИГАМИ

Чайке соседствовать с облаками,
щуке — в реке раздолье.
А мне, журавлику-оригами,
небо — твои ладони.

Помнишь журавлика-оригами?
Понимаешь, о чём я?
Ты любишь, будто лечишь руками,
а я поддаюсь лечению.



* * *

Что нам, дожившим до весны,
зарницы, зарева?
Проснёмся и читаем сны
ночные заново.

И пересказываем вслух
шаги и шорохи.
Ах, утренние речи двух
в постельном ворохе...

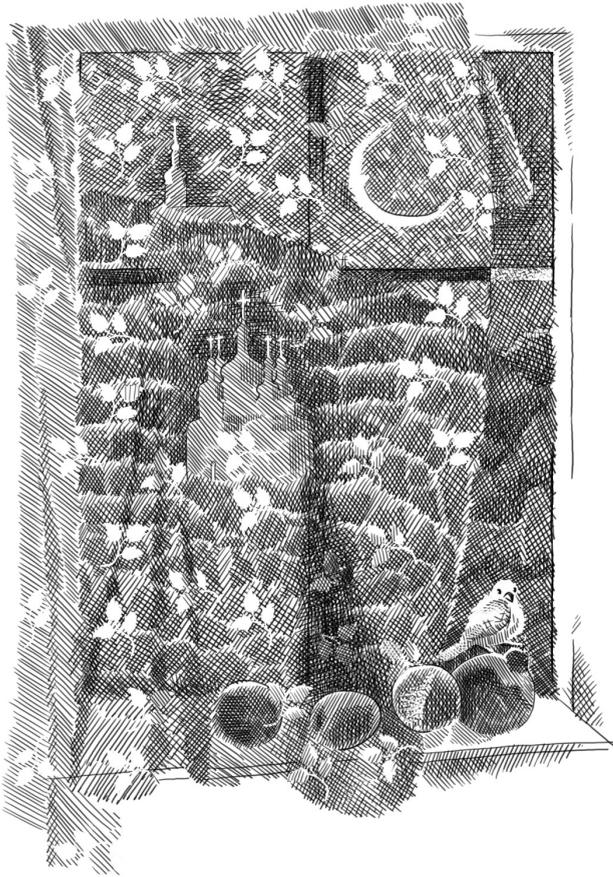
Как напряжённые мосты,
обнявшись, замерли.
Восьмое чудо ночи — ты
в рассветном зареве.

И — как на хлеб — на чудеса
приходят птицы —
запомнить наши голоса,
из рук напиться.

Отцу
Амфибрахий

* * *

Борису Чичибабину



Опять тебе бессонница — родня
из отдалённых мест, из тех провинций,
где ночи коротают у огня
столицам неизвестные провидцы.

Пока июль резвится во дворе,
чумаз и бос, в созревших зёрнах света,
они не спят, и даже в сентябре
в угодьях сна хозяйничает лето.

Да разве можно спать в такую рань,
когда росой оплаканы потёмки?
Не ведает моя Тьмутаракань,
кого в святые выберут потомки.

О, жар пророчеств в дымке золотой...
Закрыв глаза — и яблоки созрели.
В какой глубинке будущий святой
заходится от крика в колыбели?

Рыжеет луг. Редает дым костра.
Повсюду близкой осени приметы.
Купалы за плечами,
и Петра
неделю как отпраздновало лето.

Борис Алексеевич Чичибабин (1923–1994) — русский поэт, лауреат Государственной премии СССР (1990), большую часть жизни прожил в Харькове.

РАЗГОВОР С ВЕРТИНСКИМ

Встречают по одежке...

— Много ли дадут за строфу?

— Меньше, чем на чай — лабухам:
лиру эмигрантскую, фунт
стерляди вприкуску к стихам,

марочку вдогонку к письму,
марочные вина — к вине.
Мир встречает нас по уму,
кредитуя блеском монет.

— Хватит ли любви на прокорм?

— Много нас для пяди земли.
Спит Россия — под колпаком.
Колыбельный плач, ай-лю-ли.

— Плачь, Пьеро, но вечным пером
дирижируй сном хоровым.

— Нас проспал берлинский перрон,
не отметил в метриках Рим.

Высох куст лавровый. Плоха
почва европейских веков.
Мир встречает нас по стихам —
чем привык — терновым венком.

Тает век, как мартовский снег,
и в бессмертье веришь с трудом,
и опять тревожит во сне
слово позабытое — «дом»,

и идёт Москвой шепоток:
к марту, как спадает мороз,
слышится чудной тенорок
между Новодевичьих грёз.

Александр Николаевич Вертинский (1889–1957), киевлянин по рождению, вернулся в Россию в 1943 году после 23-х лет эмиграции. Умер в Москве, где и похоронен на Новодевичьем кладбище.

СЕНТЯБРЬ

Ольге и Антону Якутовичам

Красть дни погожие у лета,
как яблоки у Гесперид,
в привычках сентября.

Но эту
он ненадолго сохранит.

У самых стен — хандра и холод,
а он беспечен, дерзок, лих
и совершает мимоходом
двенадцать подвигов своих.

Непобедимая, большая
поёт и торжествует жизнь.
И жатву неба завершают
вольнонаёмные стрижи.

У этих странников в почёте —
без устали серпами крыл
махать, и даже спать в полёте,
кружить, пока хватает сил.

Но мёд земли до срока выпит.
Как ни молись календарю,
стрижам пора бежать в Египет,
на службу новому царю.

Сентябрь, наследуй птичий опыт
и перелётную судьбу,
когда у стен — тоска и топот,
раскосый северный табун.

Царь осени, мудрей изгнание
нелепой гибели в бою.
Тринадцатое испытание —
оставить родину свою.

...но помнят птицы и поэты,
что ошибался Гераклит:
в чужом краю — стрижам парить,
а сентябрю в садах рассвета
красть дни погожие у лета,
как яблоки у Гесперид.

Художница Ольга Якутович (01.09.1950–15.09.2008) — автор прекрасных картин, литографий, рисунков, много работала в сфере книжной графики. Её иллюстрации к пушкинским «Повестям Белкина» считают одними из лучших. За рубежом художника Ольгу Якутович знают и ценят больше, чем в Украине. В Японии большими тиражами вышли несколько детских книг с её иллюстрациями. Последняя — уже после смерти художницы.

Антон Якутович (10.02.1975–31.01.2014) — живописец, график, родился в Киеве в семье художников Ольги и Сергея Якутовичей. В 2002 году вслед за любимой — французской — уехал в Париж, где создал множество удивительных полотен. На родине картин художника почти нет.

СВЕРЧКИ

1

Памяти Богдана Ступки

...а те, кого гамак бессонниц
качал в раскатах тишины,
как колоколенки без звонниц,
чужими звонами полны.

Усталость дня и старость ночи
легко ль проговоришь, пиит?
Ночь шерудит, сверчки стрекочут —
и кто кого перешумит?

Часов до трёх в охотку чтение —
«Война и мир», опять война.
И переходит в наступленье
предутренняя тишина.

Ещё в потёмках, как слепая,
ночь шаркает, но к трём часам
сверчки на время засыпают,
им, как и нам, удача — сон.

Как будто в битве с тишиною
последний пал заградотряд...
И ночь стоит перед луною,
как перед образом стоят.

2

Что мне в приречной тишине?
От города отгородившись
сосновым частоколом,
мне
уснуть — как заново родиться.

Во сне ты ближе. Так, вблизи —
давно тебя не различаю,
отгородившись от отчаянья
притоком вёсен, лет и зим.

Где б ни был — чувствую в ночи.
Так чутко полюс чует компас.
Всю ночь сверчки и светлячки
передают сигналы в космос.

И стрёкот этих телеграмм
ясней смиренья и смятенья.
Читаю утро по слогам,
как те, кому в новинку чтение.

Лето 2012

ВИЙ: ПРИВИВКА ОТ СТРАХА

Первой сказкой, которую в детстве мне прочёл отец, был «Вий» Гоголя. С тех пор я ничего не боюсь, хотя страшно мне ежесекундно...

Из речи художника Сергея Якутовича
во время вручения Международной премии
имени Гоголя в Риме

Лето мы проводили в Каневе. Отец снимал там дачу...

Из интервью художника

1

Что за век седовласый,
самовластный притом,
детство мячиком вбрасывал
в волейбольный фантом,

но, как младший братишка,
вслед за нами прочёл
наши первые книжки,
замерев над плечом.

На желтеющих фото
проявиться успел,
где отглажена форма
и огромен портфель,

где дождём отутюжен
голубиный карниз.
Точно камень, Серёжа,
сердце падает вниз.

Нет, не камень, — веками
мяч летит с высоты.
Место действия — Канев.
Последействие — ты.

2

В узком платьице детства
тянет пройма Днепра,
но — на вырост — в наследство
нам — чернеет Гора*.

И раздолье рыбалкам
обещает река —
от Меланчиной балки
до Крутого ярка.

В этом ласковом детстве,
в давнем детстве твоём
у Горы по соседству
дачный домик на съём.

Ты исследуешь берег
и причал на воде,
сотню рыбных Америк
открывая за день.

* Чернеча (Тарасова) гора — высокая днепровская круча в Каневе, место, где похоронен Тарас Шевченко.

Память тише, чем лепет
кулеша на огне:
ты, уже семилетний,
с детворой наравне,

но в ватаге похожих
на индейцев ребят
ты ещё не итожишь,
семилетний, себя.

Как прекрасно и страшно,
заигравшись в войну,
пасть в бою рукопашном
за родную страну,

и, взобравшись на вишню,
поглядеть свысока,
кто там выстроил башню
из речного песка...

Скинув свет, как рубашку,
тень идёт на плетень.
Золочёной рыбёшкой
в речке плещется день.

А под вечер впервые,
сдобрив смехом конец,
вместо сказки — про Вя
прочитает отец.

3

Пусть громадой надгробья
вырастает Гора.
Ты, сжимаясь в ознобе,
не уснёшь до утра.

Здесь луна на поверку
с темнотой заодно,
и костлявою веткой
бьётся вишня в окно.

Страхи с гиком и воем
пробиваются в круг,
если в схватке с собою
побеждает испуг.

Сколько их, переломных
и огромных ночей
(память тоже без брома
не дано перечесть*)...

Память температурит,
тянет влево и вбок,
в омут литературы.
С нами Гоголь и Бог!

Нас разыщут в потёмках
и прочтут вразнобой
славотворцы-потомки.
Тише, Гоголь с тобой...

* «Нет, ни украинской истории, ни украинских газет читать без брома, валерьянки или без хорошей дозы философского предостережения нельзя» (Владимир Винниченко, «Дневник», т. 1: 1911–1920).

Сколько бесам ни биться,
ты приучен теперь
ничего не бояться —
ни побед, ни потерь.

И — прививкой от страха —
не бояться нигде.
Скинув тень, как рубаху,
начинается день...

Я пойму без подсказки,
как надёжно подчас
наши первые сказки
программируют нас.

И цитатой подспудной
я однажды спасусь:
«Страшно ежесекундно —
ничего не боюсь...»

История, из которой родилась «Прививка от страха», — один из маленьких эпизодов жизни большого художника Сергея Георгиевича Якутовича (родился 21 ноября 1952 года). Выдающийся украинский график, он создал иллюстрации к более чем 160-ти книгам, среди которых сочинения Шекспира, Толстого, Пушкина, Достоевского, Леси Украинки, Лины Костенко и — все художественные произведения Гоголя.

КАЛЛИГРАФИЯ

*Памяти художницы
Саши Праховой*

Не подгадаешь: заходит тихо,
ночью, пока домочадцы спят,
и вдруг выдыхает такое стихо-
тихо-творенье как зимний сад.

Гладит, жалеет, подует в ранку,
ломкую ветку макая в тушь.
И вдруг нарисует такую танка
мелом поверх маслянистых луж.

*Мир неочерчен и неограничен
стопкой бумаги, по-зимнему чист,
но восхитительно каллиграфичен
сад, проступивший сквозь рисовый лист.*

Чёркает, правит, ещё рисует
что-то из Врубеля на стекле.
Глянет — и тёплое время суток
тянется, словно снега — к земле.

Будет, всё будет: заботы и шалости,
дай черновик довести до ума.
Снежная баба с воздушным шариком,
Прахова, Саша, зима, зима...

2013

СОН

*Сергею Параджанову,
Георгию Якутовичу,
Юрию Ильенко,
съёмочной группе фильма
«Тени забытых предков»*

1

Ты сам себе и снег, и санный
разбег по улице наклонной,
когда осознанная самость
тебя выводит из колонны.

И, отвыкая от общины,
устан ходить, как все, гурьбой,
ты сам и повод, и причина
того, что станется с тобой.

2

Пройти бы зиму поскорей
пешком до Яблочного Спаса.
Круги бессонницы моей
темны, как Дантовы террасы.

Как люди в чёрном, холода
приходят. Им не нужен повод.
Благослови мой сон, когда
снега берут в осаду Город.

Я сплю — и это хорошо.
Но по следам Голодомора
придут и встанут над душой
полки цензуры и надзора.

В копилку века — трудодни —
за сколько выкупим свободу?
Здесь цензор цезарю сродни,
а хлыст — помощник счетоводу.

Они видны, как снегири, —
придумщик, видящий, художник.
Благослови Сергея и
его соратников надёжных.

Благослови сейчас и впрок,
укрой молитвенным заслоном —
летит голодный «воронок»
к беспечно брошенному слову...

Как будто заживо ко дну
прикованы повторами.
Как будто шар земной в одну,
а мы — в другую сторону.

2013

ОТЕЦ АМФИБРАХИЙ

Сергею Якутовичу

А кто небезгрешен, пусть камень забросит во мглу...
Здесь, в N-ском уезде, церквушки на каждом углу,
а эта стоит на отшибе, народу немного.
Отец Амфибрахий крестом осеняет строку.
Он пожил изрядно, он счастья хлебнул на веку,
а дома не нажил, один квартирует убого.

— И что ж, Вы живёте, скучаете?

— Некогда, что ж
у пастыря мало заботы в хромом городишке?
То вусмерть напьются, то сдуру нарвутся на нож.
Судьбы не хватает. Из бедствий страшнейшее —
дождь.

Какие напасти, такими и будут людишки.

Из стольного града? Креститься? И большую блажь
встречали... Вот, помню, проезжий надумал топиться.
Разделся, заплакал, а местные сбили кураж —
толпились поодаль, галдели, что глупые птицы.

— И что ж, Вы живёте, не ропщете? Грязь, глухомань,
грядущее сладко, но прячется в горьких догадках...

— Да некогда, милая, скоро кукушка-зима
в подоле весну принесёт и сбежит без оглядки.

А мне — забавлять и баюкать, выхаживать, нежить.
Негоже роптать, если верую, словно дышу.
Прошу у Всевышнего слова душе отзвеневшей.
И в самой, что есть, разнужде у людей не прошу...

...Грядущее сладко, как липовый чай с молоком.
Он завтра не вспомнит стихи, что крестили сегодня.
Отец Амфибрахий со мною почти не знаком,
но любит меня, как и всякое чадо Господне.

2011



Май, июнь, открытые окна. Ежедневно — неумолимей будильника — громыхание мусоровоза. Около двух или несколько позже сотрясает улицу многопудовыми копытами. Я научилась различать мусор по звуку: шипение пакетов, лопающийся треск пластиковых бутылок и камнепад стеклянных...

Чем, дебошир, считаешься за ошибки?
Что из того, что плата не всем по вкусу?
Каждую ночь приезжает большая машина
и собирает дань — ежедневный мусор.

Наши объедки, отходы, расходы, ссоры,
ключья обиды, ложь и другие сложности —
мусорный транспорт, ковчег о шести рессорах,
всё уместит и доставит куда положено.

Невыносимо? Идёт ходуном трясина...
Вынеси мусор и стекла натри до блеска.
Видишь, какой лучистый, какой красивый
месяц плывет по заводи занавески?

Невыносимо? Нет, это только кажется,
что до тебя не бывало печальней повести.
Бог сортирует наши грехи по тяжести
и отпускает их по запискам совести.

2013

Почти у оградки и возле
шагреневого кромки озёр
ноябрь, как бальзаковский возраст,
смешною надеждой пронзён.

Пока непогода гнездится
и ей на часок не до нас,
влюбиться в залётную птицу,
в её беспокойный окрас.

Из тех обольстительных бестий?
Да Бог с ней... Откуда б невесть —
спасайся единственным бегством
за тридевять горних небес.

Но падаешь в жар аки жёлудь —
живым в кладовую земли.
Туман, опасаясь ожога,
рассеялся в складках долин.

Свиданья украдкой по средам.
Как невидаль — в небе луна.
Влюбиться ещё напоследок —
надолго ли? — но допыана.

ПАМЯТИ ЮРИЯ КАПЛАНА

1

Махтумкули

Что птица? Не в двери, так в щели —
в транзитный впорхнёт коридор.
Прощанье сродни всепрощенью
идущих к тебе холодов.

Да Бог с ней... Багрянец пылает,
и смену ноябрь отдаёт,
не сетуя, благословляя
жар-птичий её мимолёт.

2013



Тот сквер, где одинок Махтумкули,
где я тебе неравный собеседник,
та пядь неприспособленной земли
в черте благоустроенной, оседлой,

где я тебе не ровня по годам
(теперь тебе уже никто не ровня)...
Мы ближе здесь, чем ток и провода,
и связь прочна, хотя ещё бескровна...

Здесь мы втроём: я, ты, Махтумкули,
но кто из нас сказал, что важен стержень
не так, как стебель: рваться от земли
и к небесам вытягиваться нежно,

не обгонять, не ударяться в рост,
но стать однажды тетивой упругой.
Никто из нас не вспомнил: путь до звёзд
порой короче, чем дорога к другу.

Всё тот же сквер в начале сентября,
но год иной.

Махтумкули и я
молчим неспешно, головы склонили,
и каждый повторяет про себя
всё то, что прежде недоговорили.

2010

В киевском скверике на пересечении Пушкинской и
Прорезной — памятник восточному поэту Махтумкули
(1727–1783).

2
Дождь

Проливной, непрерывный, призывный —
приводнился и день заслонила.
И плывёшь по заманчивой, зыбкой
речке-улочке следом за ним.

О, ни слова о страсти и злобе!
Парусами — иные слова.
Пусть дома в камышовом ознобе
речка вытащит из рукава.

Дождь возьмёт в подмастерья, научит
обходить ножевые края.
Сколько лет он бежал, как попутчик,
а сегодня ведёт, как маяк.

Вот небесное млеко пролито
и окрасило спелый туман...
И плывёшь по реке Гераклита
в свой домашний, родной океан.

Октябрь 2011

Юрий Григорьевич Каплан (1937–2009) — поэт, составитель уникальных поэтических антологий («Эхо Бабьего Яра», «На кресте Голодомора», «Пропуск в зону Чернобыль», «Библейские мотивы в русской лирике XX века», «Украина. Русская поэзия. XX век» и др.), убит в июле 2009 года грабителями, искавшими в квартире деньги, которые поэт собирал для издания новой антологии русской поэзии Украины.

БУРЯ

*Наталье Резник,
русскому поэту из Колорадо*

Буря мглою небо кроет...

А. С. Пушкин

Кто там, яростный, во гневе
мечет грозы, тучи рвёт?
На каком по счёту небе
приземлится самолёт?

Кто там в страхе окаянном?
Кто — в дозоре оловянном?
Где твой ангел во плоти?
Он над морем-океаном,
он над островом Буяном,
он над бурей летит.

Чёрт — в корзинке, бес — в картонке.
Кувывается багаж.
Море рвётся там, где тонко
очертили берега.

Плачем, воем, свистом, лаем
полон омут голубой
между бурей и мглою,
между бурей и тобой.

* * *

Андрею Коровину

Я не знаю, что страшнее:
недолёт, навывлет, влёт.
В небе — трассы, нет — траншеи,
нет — прорехи или щели,
а пути — наперечёт.

Буре крыть, похоже, нечем.
Рассыпается рассказ,
и схлестнулись честь и нечисть
далеко не в первый раз.

Самолёт — чудная птица —
не садится, ждёт, пока
донага разоблачится
небо, сбросив облака.

Сентябрь 2013

Свет на ходу врывается в окно.
Ещё чуть-чуть — и остановит поезд.
Как будто ты снимаешься в кино,
снимаешь зажигательную повесть.

Теперь смотри: свет дерзок и горяч,
но укрощённый зеркалом — нестрашен.
...и линия электропередач
бежит, как стайка Эйфелевых башен.

2011



ПЕРЕЛЁТНЫЙ ПОСЁЛОК

*Из недоставленных писем, посылка
выпорхнет адрес и выправит азимут:
Крым, Коктебель, перелётный посёлок,
птицам вослед улетающий на зиму.*

1

Друг мой сердечный, оставим обиды
и, приглядевшись к дороге неблизкой,
вспомним, что смерть — только выдача вида
на небожительство, смена прописки.

Прежде чем плакать в жилетку блокнота,
вспомним: без грусти о прожитом лете
ласточки стаятся перед отлётом
и поджидают попутный ветер.

Знаешь, в Восточном Крыму невесёлая
осень уже распугала курортников,
и в ожиданье отлёта посёлок
лёг под горой, как под грудью родинка.

Перед дорогой в домах и квартирах
дело кипит за прикрытыми ставнями —
серые горы постелей отстирывать,
море посуды отмыть и расставить.

Женщины жмутся к заборам, тревожно
перекликаясь с соседками.

Продыху
нет до отлёта. И лунной дорожкой
ходит октябрь по воде аки посуху.

Где в сентябре завлекали самсою,
море чужим на разлив предлагали,
пара воробышков роется в гальке.
Словно на отдыхе, осень босая
бродит ещё неостывшими пляжами,
пьёт из колодцев и чёрных скважин.

2

Высохли простыни, сложены в ящики.
Гребни холмов зеленеют, как ящерики, —
море расчёсывать этими гребнями.
Прошлого не было. Есть настоящее
между холмами и морем серебряным.

В тихую ночь небеса открываются
(волны — и те ненадолго замолкли).
Весь Коктебель от земли отрывается
и отправляется к месту зимовки.

Вслед за шалманами, винными лавками,
рынком, садами и тёмными крышами
серые чайки с пунцовыми лапками
ринулись к небу и тянутся выше.

Где-то в Восточном Эдеме отмечено
место посадки на карте вселенской.
Море волнуется, и полумесяцем
выгнулся берег и ждёт поселенцев.

Там, на Востоке Эдема, такая же
бухта, холмы с разноцветной обивкой,
тёплая галька. И те, кто раскаялся,
смогут приехать сюда на побывку.

И был январь как промельк санный,
но прочиталась в январе
глава из жизнеописанья —
простое житие дерев:

родство ростка и почвы, тайны
зимовки, тяга в высоту.
А мир молчал монументально,
как сад заснеженных скульптур.

И молча, словно так и надо,
как будто велено молчать,
шли затяжные снегопады
с тяжёлой ношей на плечах.

Был путь непрост, неистов танец
позёмки, влившейся в отряд.
А нам что снег — то испытанье
на прочность кровель и оград.

А нам снега — бои без правил:
перетерпеть да устоять.
Одни деревья знают правду
о том, как нужно зимовать.

И, сбросив листья, как вещдоки
(чтоб не изъяли январь),
они таятся, как пророки,
которым рано говорить.

31 декабря 2013 г.

Апрель покажется спасеньем,
когда на облаке верхом
взлетит над Вербным воскресеньем,
взойдёт над Чистым четвергом.

Сугробы пятятся проворно,
когда, слышан по шагам,
идёт апрель, влюблённый дворник,
взлетает, как летал Шагал,

и в брызгах клёкота и свиста
легко и ловко, без купюр,
орудует метлой и кистью,
щербатый выбелив бордюры.

И, капнув синим на качели,
он намечает высоту —
как будто юный Боттичелли
впервые подошёл к холсту.

И к Пасхе расчищая время,
как двор от снега, явь от сна,
он небеса вставляет в раму
свежеотмытого окна.

* * *

Помилуй, боль, я правдой отслужу,
твои поля переберу руками,
расправлю стебель и разглажу камень,
и зёрнам о колосьях расскажу.

Спасибо, боль.
Спасибо за труды,
за продолженье и преображенье,
за то, что из оттаявшей воды
опять моё пробьётся отраженье,

за передышку между схваток, за
покой и плодотворные потуги,
за то, что годы зарева и зла
мы прожили, не зная друг о друге.

Октябрь 2011 г.

НЕЛЕТАЛЬНЫЙ ГОД

И осень не явилась в свой черёд,
и замерло времён круговращенье,
и длится, длится нелетальный год,
и нет ему ни смены, ни смещения.

Как Цезарь, август жалует народ
горячим хлебом, солнечной потехой.
Никто не умер в нелетальный год,
не улетел, не выбыл, не уехал.

Храни, Господь, от дыбы и беды,
даруй, как диво, технику паренья
над перевалом будничной среды,
над праздничной высоткой воскресенья.

Сентябрь — турист известный: он в обход
пойдёт и перепутает дорогу.
Никто не умер в нелетальный год.
Мы, слава Богу, живы понемногу.

Под осень неприветлив небосвод,
но изредка, обнявшись, по субботам
летаем мы.

И нелетальный год
приветствует учебные полёты.

МОЛИТВА ЗА АНГЕЛА

*Лесничий сна, обходчик сада —
он копит для меня прохладу,
а сам нуждается в тепле.
Храни, Господь, мою охрану,
как всё живое на земле...*

1

В истоках, проблесках, притоках,
в богатстве, в бедности, в потёмках
ты рядом. Видимо, не зря
нас завязали, как тесёмки
набухшего календаря.

В болезни, в здравии — все тридцать
с излишком лет моих и зим
ты за плечом молчишь, как птица
над слабым птенчиком своим.

А я теряю страсть к полёту,
и я живу вполоборота,
тебя читая по губам,
но погляди, какое лето
накрыло нас, как ураган.

Вольноотпущенная радость —
цвести, расти не по часам.
Вновь из смирительной ограды
в пустой проулок рвётся сад.

И громогласен гул надземный,
и разбегается гроза —
ошеломительную зелень
как новость, всем пересказать...

2

Смотритель, виноградарь, воин,
моя награда и вина,
пора тебе на вкус освоить
простор за створками окна,

где свет един, а цвет разбросан
в неброской прорисовке дней,
где пламенеют абрикосы
в резных подсвечниках ветвей.

Тяни — над опустевшей клетью,
над вымыслом и ремеслом —
разгаром жизни, жаром лета
неопалимое крыло...

И в жаре, в жалобе, в разгаре
я помню — мы с тобою в паре,
как шаг и след, словарь и стих.
Я помню, значит, существую,
листаю книгу долговую
и отвечаю за двоих.

Календарь — от лат. *calendarium* — долговая книжка: в Древнем Риме должники платили проценты в дни календ, первые дни каждого месяца.

Ловлю себя на том, что не могу оценивать сборник Ирины Иванченко как беспристрастный критик. Перелистываю последнюю страницу и тут же становлюсь почитателем.

Держа в руках книгу, утверждаюсь в мысли, что поэзия — это, прежде всего, состояние. Автор живёт поэзией, дышит ею, всё, что видит вокруг, всё, что чувствует, пытается превратить в стихи.

Когда-то Иосиф Бродский сказал, что сам он стихов не пишет, просто каждое предыдущее стихотворение пишет следующее. Речь, как мне кажется, касалась не столько того, что составляло его творческое наследие, сколько всего, что было создано в прежние времена всей мировой литературой, всей культурой. Таким образом, можно рассматривать каждый стихотворный текст, то ли как парафраз, то ли как продолжение, во всяком случае — как нарастание неизмеримого поэтического материка.

И эта книга только подтверждает рассуждения Иосифа Александровича. Конечно, Ирину Иванченко волнуют и ведут за собой и образы античности, и отечественная история, и вечные библейские сюжеты, и русская поэтическая классика, но их фоном, тем фундаментом, на котором вырастают новые стихи, как правило, служит собственный опыт, личные переживания, судьба. Поэтому при всей широте палитры поэтических средств, при явном многообразии тем сборник «Прощёное воскресенье» кажется глубоко лиричным, доверительным, интимным. Но и о боли, и о потерях, и даже о поражениях поэт говорит не для того, чтобы обвинять или обличать кого-то, а для того, чтобы попытаться понять и простить. При этом замысел для Ирины — важнейшая часть творчества. Это как раз тот случай, когда вдохнуть важнее, чем отдышаться.

А Воскресение дано для Прощения. Желаю удачи книге и её автору.

Владимир Каденко,
поэт, переводчик, драматург,
заведующий отделом поэзии журнала «Радуга»

Хроники Масленицы	5
-----------------------------	---

Сорочинская ярмарка

Коктебель: творение	9
Корневое	10
Чокурча	
«Что было здесь: алтарь? ночлег?»	12
«Теперь ты знаешь, Чокурча...»	13
Петроглиф	15
Речка Совка	
«Слабеет натяжение воды...»	17
«Лютует век. Невмоготу дышать...»	18
Яворовский полигон (молитва Архистратига Михаила)	19
Небесная сотня	21
«Жив страж души во тьме потерь»	23
Сорочинская ярмарка	
«И жаркие они, и яркие...»	24
«...и вышиванки из Китая...»	25
«А праздник варится и вьётся...»	26

Покрова

Покрова	29
«Ребёнок, заплывший в меня из бездонных глубин...»	31
Дары волхвов	
«К твоим ногам дары несут волхвы»	32
«Верхушки лип, макушки башен...»	33
«Тяжело засыпала, плакала...»	34
«Пусть небольшой, но свой, но тёплый дом...»	35
Некухонное	36
«Как в землю отдохнуть уходит холод...»	37
«Весь день кричат и ночью не смолкают...»	38

Прощёное воскресенье

«Эти горе-слова...»	41
Когда спалили Трою	
«Когда спалили Трою, я была...»	42
«Вот и снова я благодарю...»	43
«Святой крепкий, обнять его прежде...»	43
«Пусть не ладони мои, так хотя бы строки...»	44
«И бился день, как мелкая рыбёшка...»	45
«И не прочтут — не отмечали...»	46
«Нет, нужно как-то жить — семья, дела...»	47
«И невозможно не зажечься...»	48
Словарь	
«А если нам вернуться в словари...»	49
«Не подменяя музыку собой...»	50
Одиночество и я	
«Щедро гостя привечаю...»	51
«Похоже, прадеды-поляне...»	53
«Пусть зеркало меня обманет...»	54
«Невесомые, шёлковые слова...»	55
Гром	56
Евро-2012	
«Задержись, соучастник...»	57
«Наследуй природе — её цветовой разнбой...»	58
«Оттого ль пугливей тени...»	59
Масленица	
«Даже если Всевышний...»	60
«Вот он, масляный, сырный...»	61
«Снежный ворот отогнут...»	62
«Мой Левый берег, ты неудержим...»	63
Прощёное воскресенье	
«С дословной нежностью к нетронутым местам...»	64
«Отвоевала лишний день в году...»	65
«И в этой были не оставлю...»	66
«Когда я снова научусь дышать...»	67
Коктебель: вернуться	68
Оригами	69
«Что нам, дожившим до весны...»	70

Отец Амфибрахий

«Опять тебе бессонница — родня...»	73
Разговор с Вергинским	74
Сентябрь	76
Сверчки	
«...а те, кого гамак бессонниц...»	78
«Что мне в приречной тишине?»	79
Вий: прививка от страха	
«Что за век седовласый...»	80
«В узком платье детства...»	81
«Пусть громадой надгробья...»	83
Каллиграфия	85
Сон	
«Ты сам себе и снег, и санный...»	86
«Пройти бы зиму поскорей...»	86
Отец Амфибрахий	88
Новый ковчег	90
Ноябрь	91
Памяти Юрия Каплана	
Махтумкули	93
Дождь	94
Буря	95
«Свет на ходу врывается в окно...»	97
Перелётный посёлок	
«Друг мой сердечный, оставим обиды...»	98
«Высохли простыни, сложены в ящики»	99
«И приземлится на взморье пустом...»	100
«— Как долетели?»	100
«Друг мой заветный, печали не стоит...»	101
Деревья	102
Апрель	103
«Помилуй, боль, я правдой отслужу...»	104
Нелетальный год	105
Молитва за ангела	
«В истоках, проблесках, притоках...»	106
«Смотритель, виноградарь, воин...»	107
В. КАДЕНКО «Воскреснуть и простить»	108

Литературно-художественное издание

Ирина ИВАНЧЕНКО

*Прощёное
воскресенье*

Книга стихотворений



*Написать автору книги:
zoloto119@yandex.ru*

Ответственный за выпуск
Юрий Ковальский

Редактор *Галина Биленко*

Художественное оформление, макет
Оксана Здор

Художественно-технический редактор
Любовь Ильченко

Корректор *Людмила Гребельник*

Подписано в печать 28.03.2014.
Формат 84×100 ¹/₃₂. Гарнитура Peterburg.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,71. Усл. кр.-отт. 5,71.
Зак. №

ООО «Журнал «Радуга»
01030, г. Киев, ул. Б. Хмельницкого, 51-А.
Свидетельство о внесении в Государственный реестр издателей:
серия ДК № 1209 от 27.03.2003.

Отпечатано в типографии ООО «Бизнесполиграф»,
02094, г. Киев, ул. Вискозная, 8.